

УДК 821.161.1 – 1Балтрушайтис.09

В. В. Щербина

ТЕМА МОЛИТВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЮРГИСА БАЛТРУШАЙТИСА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ СИМВОЛИСТСКОЙ ПОЭЗИИ

В. В. ЩЕРБИНА. ТЕМА МОЛИТВЫ У ТВОРЧОСТІ ЮРГИСА БАЛТРУШАЙТИСА У КОНТЕКСТІ РОСІЙСЬКОЇ СИМВОЛІСТСЬКОЇ ПОЕЗІЇ

У статті розглядається розвиток теми молитви у поетичному світі Юргіса Балтрушайтиса у зіставленні його поезії з творчістю представників старшого та молодшого поколінь російських поетів-символістів. Згідно з символістською концепцією поетичної мови у словах молитви втілюється сутність світу. Центральний напрямок думки в поезії Балтрушайтиса пов'язаний з образом ліричного героя у його співвідношенні з всесвітом. Показано, що тема молитви у художньому світі Балтрушайтиса відображає ідею активності людини у її духовних пошуках. Молитовні звернення часто зустрічаються у віршах поета на різних етапах творчості. В першій книзі «Земные ступени» молитви сповнені захвату, насолоди та світлої безтурботної віри в Бога та його мудрість. У віршах, що увійшли до другої книги поета «Горная тропа», сутність та емоційне забарвлення молитви поступово змінюється. Молитовне звернення набуває нових тривожних інтонацій. Думка про цілющу силу молитви звучить у більшості пізніх віршів поета, що мають релігійно-дидактичний характер. Доведено, що з темою молитви пов'язана ідея духовного формування ліричного героя у художньому світі поета та проблема морального обов'язку творця.

Ключові слова: тема молитви, художній світ, ліричний герой, символістська поетика

В. В. ЩЕРБИНА. ТЕМА МОЛИТВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЮРГИСА БАЛТРУШАЙТИСА В КОНТЕКСТЕ СИМВОЛИСТСКОЙ ПОЭЗИИ

В статье рассматривается развитие темы молитвы в поэтическом мире Юргиса Балтрушайтиса в ее притяжениях и отталкиваниях с творчеством поэтов-символистов старшего и младшего поколения. Согласно символистской концепции поэтического языка в словах молитвы воплощается сущность мира. Центральное движение мысли в поэзии Балтрушайтиса связано с образом лирического героя в его соотносительности со вселенной. Показано, что тема молитвы в художественном мире Балтрушайтиса отражает идею активности человека в его духовных исканиях. Молитвенные обращения часто встречаются в стихотворениях поэта, относящимся к разным периодам творчества. В первой книге «Земные ступени» молитвы исполнены восторга, светлой беззаботной веры в Бога и его мудрость. В стихотворениях, которые вошли во вторую книгу поэта «Горная тропа», суть и эмоциональная окраска молитвы постепенно изменяется. Молитвенное обращение приобретает тревожную, трагическую интонацию. Мысль о целительной силе молитвы звучит в большинстве поздних стихотворений поэта, носящих религиозно-дидактический характер. Показано, что с темой молитвы связана идея духовного формирования лирического героя в художественном мире поэта и проблема нравственного долга художника.

Ключевые слова: тема молитвы, художественный мир, лирический герой, символистская поэтика

V. V. SHCHERBINA. THE THEME OF PRAY IN YURGIS BALTRUSHAITIS` POETIC WORLD IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN SYMBOLIST POETY

The article is devoted to the analysis of the theme of pray in Yurgis Baltrushaitis` poetic world in its comparison with creative activities of the senior and junior generations of the Russian symbolists. According to the symbolist concept of poetic language words of a pray may embody the sense of the world. The main direction of the direction of thought in Baltrushaitis` poems is connected with the image of a lyrical character in his interrelationship with the Universe. It is shown, that the theme of pray in Baltrushaitis` artistic world reflects the idea of a person`s activity in his spiritual search. Prayerful appeal can be often met in the poems representing different periods of Baltrushaitis` creative activity. In his first book «Земные ступени» prays are full of delight, joy and careless belief in God and his wisdom. In the poems, introduced in the second book «Горная тропа», the sense and emotional colouring of prays

© В.В. Щербина, 2014

gradually change. The prayerful appeal is characterized by new anxious intonation. The thought about the curable force of a pray sounds in most poems which have religious and deductive character. It is shown that the theme of pray is connected with the problem of lyrical character's spiritual development as well as with the idea of a creator's moral duty.

Key words: theme of pray, artistic world, lyrical character, symbolist poetics.

Русский символизм, возникший в середине 90-х годов XIX века, опирался в своих взглядах на целую систему идеально-философских и поэтических исканий, смысл которых сводился к созданию нового типа художественного мышления, призванного заново проструктурировать мир и создать свою модель мироустройства. Размывая в художественном произведении границы предметного мира, утверждая инобытие как нечто, выходящее за пределы всякого знания, символисты, по мысли исследовательницы Л. Колобаевой, «в качестве конечной цели своего движения провозглашали преображенную “свободную личность”» [6, с. 148]. В символистской поэтике человек несет в себе часть мирового духа, и, следовательно, он соединен с Тайной мироздания, которую можно познать, преодолев забвение и вернув себе «мировую память». Данная концепция личности во многом определила яркую неоднородную образность поэзии рубежа веков, ее сложную и разнонаправленную тематику.

Воспринимая себя наследниками всей мировой культуры, символисты целенаправленно отбирали в духовном и литературном наследии предшествующих эпох и в современном искусстве то, что соответствовало их собственным представлениям о сущности бытия, структуре мироздания, о природе и назначении искусства. Одним из важных источников образов и сюжетов поэзии рубежа веков становится христианская мифология. Мысль о слиянии земного и горнего миров и о завершении истории в Боге звучит в творчестве многих символистов, стремившихся размыть вещное в поэтическом образе, вывести его из сферы реального и соотнести с идеальным. Воспринимая поэзию как священное таинство, символисты искали Бога в образном слове. Обожествляя слово, они стремились создать особое культовое отношение к языку, способному преобразовать действительность и указать дорогу к высшей истине и миру гармонии. Символистская концепция поэтического языка восстанавливала его истинное «магическое предназначение». Не случайно в поэтике символизма особое значение приобретает тема молитвы, которая представляется не только языком божественных откровений, но и «внутренним словом в слове внешнем». В словах молитвы запечатлена и сущность мира, и таинствен-

ное единство его чувственных проявлений и сверхчувственных откровений.

Цель данного исследования – выявить особенности развития темы молитвы в поэзии Юргиса Балтрушайтиса в ее притяжениях и отталкиваниях с творчеством поэтов-символистов старшего и младшего поколения.

Называя Юргиса Балтрушайтиса «в высшей степени человеком своего времени», исследовательница А. Пайман отмечает, что его поэзии, прежде всего, характерен «упор на необходимость преображения человека, хотя бы в рамках религии» [7, с. 152]. В своих эстетических взглядах Ю. Балтрушайтис во многом следовал за философией Вл. Соловьева и младосимволистами, признавая за творчеством реальную силу, просветляющую и перерождающую все человечество. Пытаясь отыскать в безостановочном хаотичном кружении земного мира самые верные и надежные вещи, поэт находит опору в молитвенном обращении к Богу. Не случайно тема и образ молитвы является сквозными в творчестве поэта.

Центральное движение мысли в художественном мире Юргиса Балтрушайтиса связано с образом героя в его соотнесенности со вселенной. В книге стихов «Земные ступени» человек предстает идеальным созерцателем, но его созерцательность не пассивна, в ней просматриваются поиски истинного, безошибочного взгляда на мир. В сборнике «Горная тропа» обновленный лирический герой приходит к пониманию противоречий мироустройства. Мир гармонии то вдруг приближается, то отступает снова, заставляя человека всем своим существом жаждать познания и духовного совершенствования. Путь героя сопровождают торжественные звуки стихий, в которых поэт видит нечто духовно мыслящее, тонко чувствующее. По его мнению поэта, ценность жизни человека определяется его нравственным выбором и духовностью. С идеей активности человека в художественном мире поэзии Ю. Балтрушайтиса связаны тема и образ молитвы. Рассмотрим, как развивается данная тема в стихотворениях поэта, относящихся к разным периодам творчества.

Книги Ю. Балтрушайтиса «Земные ступени» и «Горная тропа» объединены единым сюжетом, который можно определить как путь духовных исканий человека. В книге «Земные

ступени» поэтизируется романтика движения. Природа откликается на зов человека, идущего вверх путем созидания. Лирического героя стихотворения «Поклонение Земле» переполняет ощущение всеобщего единства вселенной, которое зарождается у него на глазах. В данном поэтическом контексте воплощается мысль об исконности человеческих стремлений знать жизнь широко вокруг. Лирического героя влечет «безбрежность восточной страны» и «зной безоблачного юга», и «звездный простор северных полей». В восторженных словах молитвы рвется наружу убежденность в мудрости Высших сил и вера в Бога – творца мировой гармонии: «Кончая день, в вечернем свете / Гляжу все чаще на зарю / И, как мулла на минарете, / Молитву громкую творю» («Поклонение Земле») [1, с. 44].

Молитвенные обращения часто звучат в поэзии А. Блока. Так в его стихотворении «Разверзлось утреннее око...» явно слышна переключка со стихотворением Ю. Балтрушайтиса «Поклонение Земле». Душа лирического героя, исполненная восторженных ожиданий, устремляется в мир гармонии в надежде на очищение и преображение: «Когда я день молитвой встречу / На светлой утренней черте, – / новорожденному навстречу / пойду в духовной чистоте» («Разверзлось утреннее око...») [3, с. 39].

Чем сильнее испытывает лирический герой Балтрушайтиса любовь к земному миру, тем острее возникает в нем мучительная тревога, вызванная мыслью о краткости земного бытия. В стихотворении «Предчувствие» мрачное и святое сливаются воедино. Человека влечет к себе непостижимое, воплощенное в образе ночной бездны, за которой открывается неземной мир: «И шествуют призраки с пеньем, / Иному молясь бытию... / И, тайным объятый волненьем, / Средь них я себя узнаю...» («Предчувствие») [1, с. 58].

Для лирического героя стихотворения Ю. Балтрушайтиса «Алкание» молитва – знак вечной неудовлетворенности и жажды перемен. «Угрюмое незнание тяготит человека, заставляя задуматься о смысле жизни и о тайне смерти: «Мы молимся о чуде утоленья / И день и ночь, – / Но горечи последнего томленья / Не превозмочь...» («Алкание») [1, с. 68]. Охваченная смятением душа лирического героя бессознательно ищет утешения в молитве, которая в данном художественном контексте представляется особым иррациональным путем познания, позволяющим человеку хоть на мгновение проникнуть в глубинные законы бытия.

Сила молитвы спасает лирического героя стихотворения А. Блока «Медленно, тяжело и верно...» от страха одиночества. Во мрак ночи человек несет свет своей души, согретой надеждой на обретении гармонии: «Полный надежды безмерной, / Слово молитвы твердя, / Знаю – молитва поможет / Ясной надежде всегда, / Тяжкая верность заложит / Медленный камень труда» («Медленно, тяжело и верно...») [3, с. 69].

В лирической исповеди героя стихотворения Ю. Балтрушайтиса «Ночной пилигрим» звучат мотивы тревожного одиночества, отчужденности человека от мира. Человек предстает погруженным в состояние душевной скорби, рожденным сознанием трагедийности земного бытия: «Лишь вижу: напрасна молитва в пустыне, / Что с бледною дрожью слагают уста, / И горек мой посох – доньине, отныне – / Где выкован череп под знаком креста!» («Ночной пилигрим») [1, с. 182]. Минута отчаяния проходит, и человек, преодолевая «боль кочевую», упрямо продолжает восхождение к миру гармонии и красоты, лежащей за пределами понятий и слов.

Стихотворение Ю. Балтрушайтиса «Silenzio» – философская миниатюра, звучащая как заклинание, как наставление высокой нравственности поэта самому себе. Чувствительное сердце лирического героя стремится к таинственно-непознанному, противопоставленному земному миру, не враждебному, но чуждому по отношению к жизни его души: «С гордым упорством, / Пустынник, таи свой простор... / Пусть люди о хлебе их черством / Ведут нескончаемый спор...» («Silenzio») [1, с. 71]. Ритмический рисунок стихотворения, волевой напор сообщают ему особую энергию убеждения. Оно звучит как утешение отчаявшемуся и объясняет, как жить растерявшемуся. Впечатления внешнего мира, где человек «метался в бесплодном бреду», постепенно вытесняются звучащей в душе человека молитвой: «Ни страха, ни ропота в бое / Вещающих утро часов... / Лишь молится сердце живое / Восходу светящихся снов...» («Silenzio») [1, с. 71]. Загадка жизни остается неразрешенной, но мысли найти опору в вере и вырваться за пределы «земного круга» не оставляют лирического героя: «И в мире бессменной недоли / Я снова молюсь бытию / И клятву безропотной боли / Безмолвным вершинам даю» («В горах») [1, с. 129]. Осмысляя приобретенный духовный опыт, лирический герой выбирает путь сурового нравственного долга, отвергая «безбольный жребий» и саму возможность счастья. В художественном мире Ю. Балтрушайтиса вера в Бога является противовесом обыденности, пустой суете и мертвенности общества.

Мысль о необходимости соединить религию и жизнь человека ради преодоления безверия и духовной опустошенности звучит во многих стихотворениях З. Гиппиус. Любовь, воплощенная в образе Христа, обращенная на других людей, может спасти личность, гибнущую в жестоком мире бездуховности и равнодушия: «Сжался, о Боже, над слабостью / Сердца, Тобой сотворенного, / Над бесконечную слабостью / Сердца, стыдом утомленного» («Молитва») [5, с. 71]. Вечные, скорбные вопросы земного бытия трепетны и живы в восприятии человека: «И капли, как слезы, / На сводах дрожат. / Затворника грезы / Ночные томят. / Ты видишь, Спаситель, / Измучился я, / Открой мне, Учитель, / Где правда твоя!» («Баллада») [5, с. 80]. Бог для лирического героя – мудрый советчик и лучший наставник. В простых словах молитвы, звучащих в тишине, угадывается и образ мира, и правда о человеке и его возможностях, и глубокая печаль о нем.

Иным представляется восприятие религии в художественном мире поэзии К. Бальмонта, стремящегося, по мысли Л. Колобаевой, к «всемирности в поэзии». Исследовательница отмечает: «Лирического героя бальмонтовского типа отличает не только бесконечная смена впечатлений, но и смена богов, которым он поклоняется» [6, с. 72]. Человек в художественном мире К. Бальмонта мечется в поиске новых впечатлений, отказываясь от традиционных нравственных ориентиров: «О да, молитвенна душа! / И я молюсь всему, / Картина мира хороша, / Люблю я свет и тьму» («О да, молитвенна душа...») [2, с. 186].

Лирический герой стихотворения В. Брюсова, другого представителя старшего поколения символистов, не способен найти утешение в молитве. Безверие тяготит человека, приковывает к земле, препятствуя его устремленности к неземному миру гармонии и красоты: «Гнутя неволью колени, / Плещут молитвы в груди. / Плакать и биться устанешь, / В сердце скрывая укор, / На небо черное взглянешь... / С неба скользит метеор» («Тонкой, но частою сеткой...») [4, с. 88]. Небо, где нет Бога, кажется особенно пустым, холодным и равнодушным. Стихотворение, основанное на пафосе мысли, воздействует на разум, но за непривычной образностью легко угадывается человеческая трагедия безверия и разобщенности с Богом и миром.

В стихотворении Ю. Балтрушайтиса «Море и капля», относящемся к более позднему периоду творчества поэта, продолжается развитие темы молитвы. Стихотворение построено по

принципу внутренней смысловой градации. Мысль о целебности и спасительности молитвы, возвышающей человека, не только постепенно раскрывается, но и усиливается эмоционально: «Час человека подобен волне... / Знаешь ли, смертный, в ночной глубине, / Встретив молитвой звездную тишь, / Чьими устами ты говоришь» («Море и капля») [1, с. 199]. Молитва для лирического героя – средство преодоления, способное увести человека из земного мира страданий в «мир Голгофы», где его ждет жертвеннический подвиг и счастье очищения.

Человек в художественном мире Ю. Балтрушайтиса молчаливо совершает свой путь, только в молитве обретая свой язык и подлинную духовную жизнь: «Я в жизни верую в значенье / Молитв, сокрытых тишиной, / И в то, что мысль – прикосновенье / Скорбящих душ к душе родной...» («Безмолвие») [1, с. 121]. При помощи молитвы человек может озвучивать гармоничный неземной мир, преодолевать трагизм повседневной суеты и разочарования. Обогащенный духовным опытом «земных ступеней» и «горных троп» лирический герой растворяется в молитве, дарующей человеку высокое прозрение и взгляд в вечность: «И строя миг по мере сил, / Я лишь упорным словом жил, / О всходах вечности тужил... / И сердцем, вверенном весне, / У летней грани я втройне / Горю молитвой о зерне...» («Межой земли») [1, с. 201].

В стихотворении Ю. Балтрушайтиса «Вечерняя песня» человек осторожно прислушивается к миру вокруг себя, пытается уловить самые затаенные его созвучия, сливаясь с музыкой вселенной, создающей атмосферу нетронутости и ничем не нарушенного покоя. Завеса таинственного мира приоткрывается навстречу человеческой душе, которая соединяется с молитвой и сама становится ею: «Радостен детский мой лепет / Богу, представшему вдруг, / Весь я – таинственный трепет / К звездам протянутых рук» («Вечерняя песня») [1, с. 145]. Круг замыкается. Обновленный человек, ощутивший радостное и тайное соприкосновение с божественной мудростью, готов к новому восхождению. В стихотворении звучит тема жертвенности и творческого преображения, которые необходимы истинному художнику.

Подведем некоторые итоги. Книги Ю. Балтрушайтиса «Земные ступени» и «Горная тропа» представляют собой как бы единую историю лирического героя, в которой обобщаются наблюдения над жизнью и философские рассуждения о человеке. Единство композиции во многом достигается единством авторского религиозно-дидактического пафоса, особого поэти-

ческого настроения, утверждающего приоритет божественного. Тема молитвы является сквозной в художественном мире поэзии Ю. Балтрушайтиса. Молитва воспринимается и как религиозное обращение, и как нравственный порыв человеческой души, жаждущей преображения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балтрушайтис Ю. Дерево в огне / Юргис Балтрушайтис. – Вильнюс : Vaga, 1983. – 319 с.

2. Бальмонт К. Д. Избранное: Стихотворения; Переводы; Статьи / Константин Дмит-

риевич Бальмонт. – М. : Худ. лит., 1983. – 750 с

3. Блок А. Собрание сочинений в 8 томах / Александр Александрович Блок. – Т.1. – М.-Л. : Гос. изд-во худ. лит., 1960. – 715 с.

4. Брюсов В. Собрание сочинений в 7 томах / Валерий Яковлевич Брюсов. – Т.1. – М. : Худ. лит., 1973. – 672 с.

5. Гиппиус З. Н. Сочинения: Стихотворения / Зинаида Николаевна Гиппиус. – Л. : Худ. лит., 1991. – 672 с.

6. Колобаева Л. А. Русский символизм / Л. А. Колобаева. – М. : Изд-во МГУ, 2000. – 294 с.

7. Пайман А. История русского символизма / Аврил Пайман. – М. : Республика, 1998. – 415 с.